

21 февраля (6 марта)

Священномученик Григорий (Хлебунов)

Священномученик Григорий родился в 1873 году в селе Шуватово Симбирской губернии в семье крестьян Никиты и Татьяны Хлебуновых. Первоначальное образование он получил в сельской школе, а остальное дополнилось самообразованием и церковным воспитанием, полученным в семье. По бедности семьи он переехал из села работать в город Астрахань, где познакомился со своей будущей женой Дарьей Степановной. Душа Григория Никитича влеклась от светских занятий к служению Господу, и служению сугубо церковному, и он устроился псаломщиком в храм в селе Басы Астраханской губернии. В 1917 году, когда произошел Октябрьский переворот, он принял твердое решение посвятить свою жизнь служению Церкви и с этого времени стал уже целеустремленно готовиться к принятию сана.

В 1921 году Григорий Никитич был рукоположен во священника и два года прослужил в храмах Астрахани, а в 1923 году был направлен служить в храм в честь Рудненской иконы Божией Матери в селе Началово Астраханской области, где и прослужил до своего ареста.

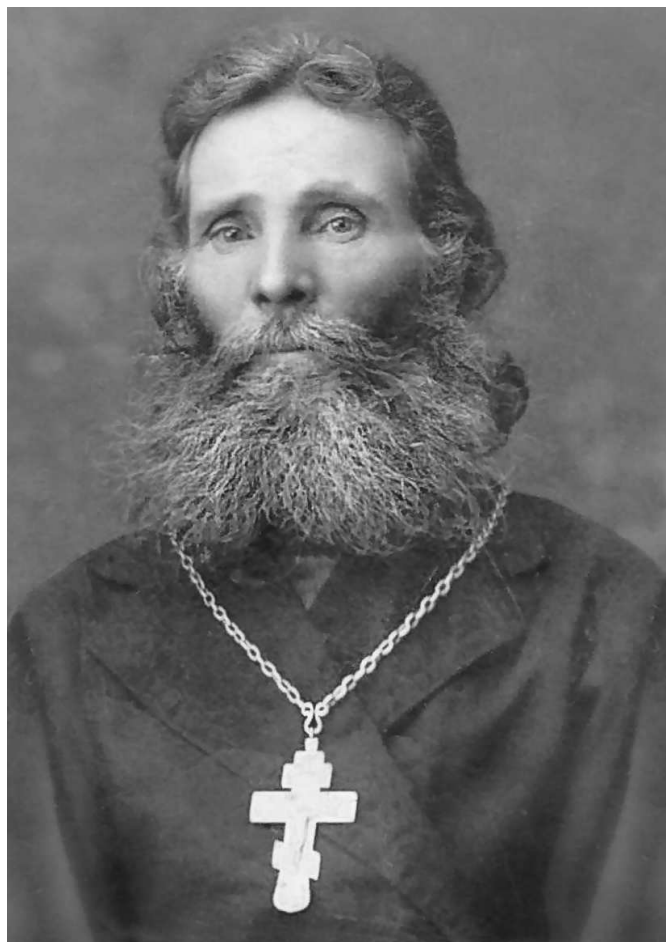
Приехав на новый приход, отец Григорий сразу же стал узнавать, кто из прихожан придерживается православия, а кто готов перейти к обновленцам, с этим вопросом он стал обходить дома крестьян. Председателю сельсовета показалось подозрительным, зачем священник ходит к крестьянам и что-то записывает. Отец Григорий не стал удовлетворять любопытство председателя, и тот просил прокурора открыть против священника уголовное дело о «преднамеренном действии в интересах противосоветского лагеря»¹. Материалов для обвинения отца Григория оказалось недостаточно, и дело было прекращено.

Отец Григорий был ревностным пастырем и мужественным проповедником. Собрав много духовных книг, он давал читать эти книги прихожанам, так что в доме у него образовалось нечто вроде библиотеки.

В 1929 году началась коллективизация, выразившаяся в уничтожении крестьянских хозяйств и сломе крестьянского быта, сопровождавшихся беспощадными гонениями на Церковь, так как всем своим бытом русское крестьянство более всего было связано с православием. Стали ходить устрашающие слухи о том, что коммунисты готовят впереди нечто худшее, что они все обобществят и устроят «коллективный рай» на земле. Перед лицом этих испытаний стала умножаться и вера, и храм в селе Началово стал наполняться молящимися, чему способствовала и неустанная проповедь отца Григория за богослужением. В Крещенский сочельник, 18 января 1930 года, в селе состоялась собрание, на котором был поставлен вопрос о том, чтобы снять колокола и отдать их в переплавку, но присутствующие выразили категорическое несогласие с этим. Впоследствии власти усмотрели в этой дружной поддержке церкви результат деятельности священника.

В конце января 1930 года секретарь местной партийной ячейки направил заявление уполномоченному ОГПУ по Астраханскому району, где писал, что, «выполняя партийную работу, а также работу, направленную на проведение

мероприятий партии и советской власти, в особенности по вопросу... сплошной коллективизации», он заметил, что вокруг священника собралась целая группа кулаков и «в результате их работы на всех общественных собраниях высказывались явные антиколхозные выступления, исходящие от лиц, теснейшим образом связанных с церковью»². И он перечислил ряд лиц, включая священника, которыми должно, по его мнению, заняться ОГПУ.

Священник Григорий Хлебунов

3 февраля 1930 года отец Григорий был арестован, вместе с ним были арестованы и несколько крестьян. Во время обыска в доме священника нашли речь австрийского министра иностранных дел, имевшую антибольшевистский характер, а также несколько писем от верующих людей, одно из них было рекомендательным и сообщало о некоем страннике Иване Ивановиче, о котором архиепископ Астраханский Фаддей (Успенский) отзывался как о хорошем человеке.

На вопросы следователя о найденных материалах отец Григорий ответил: «В отношении обнаруженной в настольной книге житий святых, употребляемой мной ежедневно перед молитвой, вырезки из газеты с речью министра иностранных дел, поносящего в ней III Интернационал и советское правительство... я сказать ничего не могу, так как не знаю, откуда она у меня, — очевидно, еще со времен службы в Астрахани или же вложена кем-либо из читателей моих книг... которыми являются граждане села Началова... Точно сказать, кто берет у меня книги, я затрудняюсь, так как записи не веду, а их, читателей, много и из пожилых, и из молодежи... Что же касается моих связей в

селе Началове, то я их почти не имею, отдавшись службе и обязанностям по ней»³.

После допроса отец Григорий был заключен в тюрьму при Астраханском ОГПУ и здесь снова допрошен. Отвечая на вопросы следователя, он сказал: «Дополнить мною сказанное при допросе в селе Началове... я не могу, но, подтверждая еще раз мною данные и верно записанные в протоколе допроса показания, заявляю, что автора письма, в котором рекомендуется некто странник Иван Иванович, он же старец Иван, хорошим человеком, я абсолютно не знаю... Странник Иван был у меня за все разы не подолгу, попьет чаю и уходит... Но откуда он, где живет и кто он по роду занятий, я не знаю... Произвел на меня впечатление толкового человека, бывавшего широко по свету, посетившего Афонскую Гору и другие места. Разговоры у нас с ним были только на религиозные темы, и каких-либо вредных, с точки зрения существующей власти, мыслей он, как и я, не касались... Больше показать ничего не могу и не покажу ни при каких условиях, считая грехом говорить о других»⁴.

Между тем, поскольку служба в храме в связи с арестом священника прекратилась, церковный совет, заручившись согласием районного исполнительного комитета, пригласил из Астрахани священника Петра Цветкова. Но чтобы начать служить, надо было стать на учет в сельсовете. Сотрудник административного отдела пообещал зарегистрировать священника на следующий день, 14 февраля, а сам тем временем куда-то уехал. Получив устное согласие представителей власти, один из членов церковного совета попросил священника отслужить всенощную вечером под праздник Сретения без регистрации. Всенощная была отслужена, в результате последовало обвинение в проведении службы без регистрации, и священник и члены церковного совета арестованы. Утром 15 февраля собралась толпа человек в триста, в основном женщины, которые стали требовать освобождения священника и членов церковного совета. Астраханское ОГПУ нашло слишком решительные действия местных властей на этот раз неблагоприятными, и все арестованные были освобождены. Но это не коснулось ни отца Григория, ни арестованных вместе с ним крестьян. Верующие в селе сочли освобождение своей победой и были настроены весьма решительно. Местные власти в Началове делали, казалось, все, чтобы унижить и разозлить крестьян; например, заместитель председателя сельсовета вывесил в сельсовете такое объявление: «В совете всем лишенцам стоять без дела строго воспрещается. Если заметим – будут арестованы».

На 22 февраля 1930 года местные власти наметили выселение из Началова семей зажиточных крестьян, лишенцев, и разграбление их имущества. В связи с предстоящим выселением, а также с целым рядом предшествовавших ему арестов, обстановка в селе достигла крайнего напряжения.

Вечером 22 февраля, когда руководство села и местные партийные руководители собрались в здании сельсовета, к зданию стала подходить толпа крестьян, мужчин и женщин, твердо намеренных не допустить изгнания односельчан. Лишенцев и крестьян среднего достатка поддержали и бедняки. Один крестьянин отобрал ключи у церковного сторожа и, взобравшись на колокольню, ударил в набат. Со всего села к сельсовету устремились люди. Какая-то женщина, схватив багор, оборвала протянутые между столбами телефонные провода; часть толпы ринулась во двор сельсовета, здесь, на дворе, сразу же были убиты два члена сельсовета. Крестьяне, проникнув внутрь здания, стали бить и убивать всех, находившихся внутри, а тех, кто выпрыгивал в окно,

добивали стоявшие снаружи. Мятеж против советской власти и коммунистов продолжался около двух часов, и в результате шесть человек были убиты, а десять ранено, было разгромлено здание сельсовета и уничтожены все документы. Советская власть в селе Началове практически прекратила свое существование. На село опустилась тревожная зимняя ночь. Все понимали, что власти не замедлят прислать карательный отряд. Кто-то советовал и его встретить в открытом сражении, кто-то стал покидать село. Наутро прибыл отряд красноармейцев, и начались аресты и допросы.

Следствие, по которому проходили обвиняемыми сорок три человека, велось в сверхэкстренном порядке и через четыре дня после восстания, 27 февраля, было завершено. В число обвиняемых были включены и те, кто был арестован ранее, 3 февраля, еще до мятежа, и среди них отец Григорий, несмотря на то, что у сотрудников ОГПУ не было никаких доказательств виновности священника.

В обвинительном заключении они написали: «...на почве выселения кулацких хозяйств в селе Началово... произошло вооруженное восстание, в результате которого были зверски убиты шесть человек членов партии активистов-батраков и десять человек тяжело ранено. Убийством и ранением выведена из строя вся руководящая часть села... Данными следствия установлено, что, несмотря на то, что выступление 22 февраля произошло стихийно, подготовка к такому выступлению против советской власти со стороны указанных лиц велась давно, с этой целью ведя работу чрезвычайно законспирированно... В деле подготовки выступления руководящую роль играли попы и церковники...»⁵

28 февраля тройка ОГПУ приговорила четырнадцать обвиняемых, и среди них отца Григория, к расстрелу. Священник Григорий Хлебунов был расстрелян 6 марта 1930 года в пригороде города Астрахани и погребен в безвестной общей могиле⁶.

«Жития новомучеников и исповедников Российских XX века.
Составленные игуменом Дамаскиным (Орловским). Февраль».
Тверь. 2005. С. 336-341

Библиография

УФСБ России по Астраханской обл. Д. 6173-С.

Примечания

¹ УФСБ России по Астраханской обл. Д. 6173-С, л. 180.

² Там же. Л. 2.

³ Там же. Л. 70.

⁴ Там же. Л. 85.

⁵ Там же. Л. 180.

⁶ Там же. Л. 53, 57.